Он сумел прочитать Пушкина

К 110-летию со дня рождения Сергея Михайловича Бонди

Формально я вовсе не ученица Сергея Михайловича Бонди. Но еще десятиклассницами мы стали приезжать на лекции Бонди на филфак МГУ, это был блистательный курс о драматургии Пушкина. Аудитория обыла переполнена. Царила атмосфера праздника, представления. У Бонди есть очень хорошая статья о пушкинской драматургии (в книге: С.Бонди, "О Пушкине", М., 1978). Но "живые" его лекции — это нечто совсем особое. Недаром он предпочи-

тал "устные" жанры.

В университет нас не взяли, хотя мы и были медалистками. В те годы с таким "пунктом" (который в нынешнем российском паспорте отсутствует вовсе) старались не брать. Думаю, не брали не только с "пунктом", но опасались любой живой мысли. Иначе чем объяснить, что на спецкурс "легендарного" Бонди по Пушкину приходили человек пять университетских студентов. Еще несколько человек (мы в том числе) специально приезжали из других вузов. Говорят, самого Сергея Михайловича в эти годы на кафедре постоянно "прорабатывали". Не вписывался он в "серьезную" атмосферу! Этот свой спецкурс Бонди потом продолжил у себя дома - на Чистых прудах. И ему было совершенно не важно, кто у него занимается "на законных основаниях", а кто "чужой". Он был Учителем по строю души, всегда доброжелательным, увлеченным, заражающим своей энергией.

Тогда, в семидесятые годы, Бонди, уже очень немолодой, выглядел необычайно живым и бодрым. Узкое породистое лицо, живые глаза. доброжелательная улыбка. Врожденный артистизм. Запомнился чуть глуховатый выразительный голос, которым Бонди читал пушкинские стихи. Дело в том, что излюбленной формой занятий Сергея Михайловича было чтение стихов и затем их подробнейший, внимательный анализ. Это был гораздо более свободный и более обращенный к личности поэта анализ, чем анализ структурный, популярный в те годы. Бонди много говорил о душевных кризисах, переломах, внутреннем развитии Пушкина. Все это помогало проникнуть в смысл пушкинских произведений. При этом прояснялись не только глубинные смыслы, но и смыслы "простые", часто от читателя ускользающие. Речь шла не о выдумывании какихто собственных концепций. Не о демонстрации эрудиции. Не о самовыражении.

Речь шла о понимании творчества Пушкина.

Бонди был неисправимым эстетом. Он считал, что стихи Пушкина доставляют огромное эстетическое наслаждение. И чем лучше и глубже ты их понимаешь, тем это наслаждение сильнее.

Этот "эстетский" подход, столь родственный "веселому имени" по-

эта, пронизывал и лекции Бонди. На них порой звучала музыка и всегда - стихи. Оживленный лектор нередко прерывал увлекательное повествование о Пушкине, чтобы рассказать о поэтах Серебряного века, с которыми был знаком. В дневниках Блока есть записи о Сергее Бонди. Но и Бонди много рассказывал о Блоке, Андрее Белом, Менделеевой-Блок. И все это не "академично", а с острыми психологическими подробностями. Помню шок после слов Бонди о том. что "Прекрасная Дама", жена Блока. была "очень некрасива".

Как ни странно, этот артистизм, глубина и благородная простота лекций Бонди стали в какой-то момент абсолютно непонятными для его аудитории. Школьник, которому я в кружке по искусству много рассказывала о Бонди, поступив в университет, с недоумением обнаружил, что там над Бонди "смеются". Выразительнейшая деталь!

Бонди известен как замечательный текстолог, сумевший прочитать, казалось бы, совершенно "нечитаемые" пушкинские рукописи. И здесь ему тоже помогало его "эстетство", его желание прочесть не "слова", а осмысленный и художественно выразительный текст.

Недавно перечитала написанную на едином дыхании статью Бонди об элегии "Все тихо, на Кавказ идет ночная мгла..." (в книге: "Черновики Пушкина". М., 1978).

Элегия известна у нас едва ли не всем. Но в другом варианте: "На холмах Грузии лежит ночная мгла..." Бонди сумел извлечь из "нечитаемой", перемаранной поэтом рукописи более интимный вариант, не предназначенный для печати. Художественно он не менее совершенен. Но, по Бонди, Пушкин не желал накануне женитьбы печатать стихи, посвященные другой женщине.

Опираясь на это прочтение, еще один пушкинист, товарищ Бонди по знаменитому пушкинскому семинару С.Венгерова Юрий Тынянов, написал свою блистательную статью о "безыменной" любви Пушкина

Понимание Пушкина для Бонди являлось условием приобщения личности к мировой культуре. Это был высокий педагогический посыл ученого. Недаром он так много сил отдал комментариям к школьным изданиям Пушкина. В "каменные" годы застоя миссия Бонди была. необычайно важна. Он, совсем как предсказывал В.Ходасевич, помогал разрозненным одиночкам "аукаться" именем Пушкина.

Многие могут считаться учениками Бонди. И те, кто слушал его лекции, и те, кто внимательно читал эти вот школьные издания. И ученики его учеников. Ведь таким и хочется видеть Учителя. Бесконечно талантливым и мудрым.

Вера ЧАЙКОВСКАЯ